

ПОКЛОН ИСЧЕЗНУВШЕЙ ДЕРЕВНЕ

(Глава из документального повествования «Моя нечаянная Родина»)

Николай КОНЯЕВ

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве...*

Николай Мельников

Тенденция к укрупнению населённых пунктов в Самаровском районе обозначилась уже в эпоху сплошной коллективизации. Сегодня трудно поверить, что в 1928-м, за год-два до наплыва спецпереселенцев и начала массового строительства ими трудпосёлков в 13 сельских Советах насчитывалось 99 населённых пунктов – самое большое количество за всю историю района. По данным переписи 1936-го, 12 сельсоветов объединяли 80 старых поселений и 15 новых трудпосёлков. За какие-то 7-8 лет исчезло 19 небольших деревень, юрт и посёлков. А исчезли по причине переселения людей из отдалённых от дорог и водных магистралей, Богом и начальством позабытых населённых пунктов в построенные спецпереселенцами посёлки, в которых были школы, медпункты и магазины...

Ускоренными темпами «процесс пошёл» в 1950-х. Поначалу негативную роль сыграла политика принудительного переселения в целях «привязывания к месту» хантов и ненцев – «кочевников и полукочевников». Рыбаков и охотников, по роду занятий вынужденных «кочевать» из летних юрт в зимние и наоборот в целях проведения летней путины и зимнего охотничьего промысла, «привязывали» к месту – это ли не абсурд? В Берёзовском районе, где доля аборигенов наиболее велика, из 62 деревень после «привязывания» осталось 16! Да и берега Назыма с их 18-ю «открытыми» Дуниным-Горкавичем юртами обезлюдели: в начале 1950-х там оставалось всего 3 населённых пункта.

В конце 1950-х «процесс» ещё только набирал обороты. Рыболовецкие и сельскохозяйственные артели преобразовывались в крупные колхозы. Не всё, конечно, было однозначно плохо. В одних случаях укрупнение было экономически оправданно. Порой необходимость объединения малосильных артелей диктовалась самой жизнью. Так, летом 1952-го «красные рыбаки» (юрты Нялинские) и рыбаки колхоза имени газеты «Сталинская трибуна» (юрты Чучелинские) объединёнными

усилиями «закрыли» огромный, в 12,5 квадратных километров, Пырряжный сор, до этого никогда не закрывавшийся. Установили восемь запоров протяжённостью 800 метров и вели промысел язя до глубокой осени. К совместным действиям их подтолкнул не райком, не райисполком, а ясно осознанная необходимость: ни те, ни другие по отдельности сделать этого не смогли бы...

В других случаях объединение было сомнительно, а в третьих – совершенно абсурдно и даже губительно. В начале 1950-х путём укрупнения мелких колхозов в посёлке Черёмуховский, в деревнях Семейка, Слушка, Чебакчина, Филинской в селе Цингалы создали крупное хозяйство «Путь к коммунизму» (председатель – И.К. Третьяков). В 1954-м колхозники рыболовецких артелей «Ударник» (д. Скрипуново), им. Куйбышева (д. Майка) и всё те же «красные рыбаки» (юрты Нялинские) создали укрупнённую артель имени Кагановича (председатель – А.Н. Замятин). Вот тут-то и приостановиться, присмотреться бы, как пойдут дела у хозяйств (а дела пошли не лучшим образом!), но запустившее директиву руководство требовало от областного и районного начальства неуклонного роста процента укрупнений. Остановиться и задуматься о целесообразности разрушительной «гонки» было, очевидно, недосуг да и опасно для карьеры...

В 1957-м Усть-Иртышский рыбозавод и Самаровский рыбоконсервный комбинат объединились в один Ханты-Мансийский комбинат. В следующем году была ликвидирована Самаровская моторно-рыболовная станция, обслуживать рыболовецкие колхозы стал рыбокомбинат. Колхозы «Красный Октябрь» (с. Реполово), «40 лет Октября» (д. Тюли) и им. Орджоникидзе слились в одну крупную артель «Родина». Конёвский, Сумкинский, Шапшинский колхозы образовали артель им. Чапаева (председатель – Н. С. Конев). В 1961-м рыболовецкие артели объединённых колхозов им. Чапаева и им. Куйбышева (п. Нялино) были переданы Самаровскому рыбоконсервному комбинату. С переходом в систему гослова хозяйства были снабжены кое-какой техникой, спецодеждой, а зарплата работников увеличилась почти вдвое и составила 80-100 рублей в месяц. Но в результате такого укрупнения захирели, а затем и перестали существовать хантыйские посёлки Алёкино, Майка, Чебыково, русские сёла и деревни Глазково, Косари, Спирино...

С укрупнением колхозов, с внедрением механизации, с введением в 1959-м денежной оплаты вместо начисления трудодня, с отменой налога на личное подсобное хозяйство и разрешением на его пятикратное увеличение, с выдачей колхозникам паспортов, избавивших их от государственно-крепостного положения и, наконец, с получением колхозами права на изменения в уставы с учётом специфики местных условий село должно было если и не подняться, то, казалось бы, воспрянуть, но...

В соответствии с принятым в июне 1961-го правительственным постановлением «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей национальных округов Тюменской области» в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства в округе спешно разворачивалась работа по созданию 11 совхозов. Районное начальство сломя голову кинулось «претворять в жизнь» это в высшей степени безрассудное решение. Намечалось создать несколько совхозов и подсобных хозяйств

предприятий рыбной промышленности, хотя уже тогда наиболее дальновидные руководители понимали, что в северных условиях о рентабельности совхозов да и «подсобок» и речи быть не может! Однако, по данным тюменского историка Сергея Панарина, в 1961-м на основе 70 рыболовецких и 24 сельскохозяйственных артелей в округе были созданы эти «плановые» 11 специализированных совхозов, а с апреля следующего года оставшиеся колхозы вошли в состав Ханты-Мансийского совхозно-колхозного производственного управления и были, по сути, превращены в государственные предприятия.

В 1964-м академик Заславская сконструировала и начинила смертоносным зарядом «мину замедленного действия» – постановление «О ликвидации неперспективных деревень». Эта мина сработала, уничтожив сотни казачьих хуторов и станиц, тысячи русских сёл и деревень, в том числе и сибирских старожильческих селений, признанных по чьему-то недомыслию (впрочем, по недомыслию ли?) неперспективными. Возможно, и неперспективными с экономической точки зрения, но какими деньгами можно исчислить нравственные, этические, моральные потери от утраты корневой деревни – «гумусного» слоя русской жизни, на протяжении столетий удерживавшего русского человека от окончательной потери самоидентификации?

Село Конёво, посёлок Усть-Назым, деревни Борки, Горное, Саргачи, Сумкино и другие исключены из отчётных документов с июля 1968 года, но по официальному списку эти населённые пункты в числе «живых» не значились уже с июня 1967-го. Всё это привело к тому, что, если, по данным доктора исторических наук Зои Соколовой, «... в 1957 году в округе было 650 населённых пунктов, то к 1987-му их осталось 162» (Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. – Там же. – С. 235).

У семи толстокожих государственных няnek богатейшие промысловые угодья были захлавлены и запущены, животноводство, мясное и молочное, заброшено, пашни и огороды заросли бурьяном, традиционные отрасли хозяйства угасли. Именно с этого времени в России впервые отмечено сокращение естественного прироста и прогрессирующая год от года алкоголизация населения.

Не могу согласиться с некоторыми утверждениями уважаемого Юрия Ефимовича Конева.

«Пожилые люди, думавшие про себя: здесь бы и закончить свой жизненный путь, уезжали со слезами на глазах, молодые же – с радостью и надеждой... Существовавшая тогда государственная система не удовлетворяла основные социально-биологические потребности крестьян, – пишет он в статье «Почему исчезла деревня Конёво?» – Исход крестьян из деревни в город был ускорен решением правительства об укрупнении колхозов (вынужденном) и ликвидацией неперспективных деревень. Как будто единственной перспективой небольшой деревни является производство продуктов питания. А по мнению «крестьянских» писателей Ф. Абрамова, В. Шукшина и других, а также некоторых политиков, сельское население является основой нации и, пожалуй, можно добавить – основой воспроизводства здорового (физически и духовно) населения страны» (Югра. – Там же).

Из первой части этого утверждения вытекает вывод: деревни потому и закрывались, что там некому стало жить – исход крестьян из деревень начался с середины пятидесятых, а укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных деревень всего лишь ускорили неизбежный процесс. Это не так.

С обретением паспортов колхозников действительно стало уезжать больше, чем за всю историю самаровских сёл и деревень. Но уезжали в первую очередь на свои исторические родины семьи «амнистированных» народов - немцы, финны, калмыки, поляки, украинцы, белорусы и т.д. Уезжала даже часть из бывших раскулаченных, из тех, кому было куда ехать. Но большинство получивших гражданские права спецпереселенцев и членов их семей с отъездом не спешило – Самаровский район стал для них второй родиной. Первая волна освобождения из ссылки по округу прокатилась в 1950-1951-х. За два года было «освобождено» 2409 человек – в основном, «ветеранов-кулаков» (в Самаровском районе – 75), но выбыло за пределы округа всего... 430. «Освобождённые» не кинулись сломя головы с берегов Иртыша и Оби на российские просторы ещё и потому, что по истечении многих лет на исторических родинах их никто не ждал с распростёртыми руками да и не у всех уцелели «родины». Жительница посёлка Нялино Галина Фёдоровна Калиничева вспоминала: «В 1956 году родители впервые после 1931 года поехали на родину (на родину отца в деревню Юрминка Аромашевского района Тюменской области – Н.К.) и взяли меня с собой. На руках у них были только членские книжки колхоза «Трудовик»... Я увидела, как отец, приехав на место, опустился на колени на распаханном поле бывшей их деревни, перед осокорем, и набрал в платочек земли, которую привёз домой и высыпал на могилу своей матери Веры Дмитриевны, похороненной на погосте села Нялинское. Позже он сказал, что там, где сохранился осокорь, стоял родительский дом» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 93).

Ссылные, как и коренные жители, начали разъезжаться только тогда, когда стало ясно: судьбы выстроенных их руками поселений уже давно предрешены на самом верху - они «своё отслужили». И переезжали люди в основном не в города и крупные посёлки, а в такие же, как и покинутые, соседние сёла и деревни. Пожилые, как верно заметил Ю. Конев, «уезжали со слезами на глазах» не потому, что «система не удовлетворяла их социально-биологических потребностей», а потому, что знали точно: на «заброшенных могилах» родных и близких «всё травую зарастёт»...

Если бы государство действительно было заинтересованно в сохранении села, оно должно было всемерно поощрить «бурное развитие личных подсобных хозяйств» после официально разрешённого в 1959-м «пятикратного увеличения», но не искоренять их тотчас же последовавшей скупкой скота в испуге перед «ростом мелкособственнических настроений» и мнимой опасностью возникновения «нового кулачества». Уже к концу 1950-х государство имело хорошие шансы сделать в этом направлении первые шаги – приступить к строительству школ-семилеток и десятилеток. Будь в селе школы, убеждён, половина собравшихся в дорогу сельчан распаковала бы чемоданы и развязала дорожные узлы. Село можно было спасти началом строительства медпунктов,

клубов, магазинов, оснащением артелей вагонами-рефрижераторами и морозильниками-холодильниками и, главное, возведением сносных дорог!

Во многих случаях людей предупреджали о «выселении» за год, за два, а то и больше, но те, кто не хотел уезжать, ждали до последнего, надеясь на чудо. Чуда не происходило. Жителям деревни Борки заявили: «Мы вас бросаем. Живите, как хотите». Только после того, как не стало электричества, магазина, почты, люди вынуждены были переселиться в деревню Тюли и посёлок Выкатной... Многие жители Конёво, Сумкино, часть некогда процветавшего Зенково (чудом уцелевшего до наших дней) переехали в Шапшу. Большая часть русско-угорской ветви Коневых переехала в Самарово, Сургут, в посёлок Нялино...

Вторая причина, по которой никому не стало дела до гибнущей деревни, – это, как ни парадоксально, запах шальных денег от большой нефти, добытой в начале 1960-х. Оглушённая фантастической удачей государственная власть бросила все материальные и людские ресурсы на разведку, добычу и транспортировку в буквальном смысле «чёрного золота». На сельское же «золото» власти наплевали. Какие могут быть доходы от какого-то там рыболовства, звероводства и оленеводства? Какие, к лешему, на Севере крестьяне с их загнивающими в навозе деревнями? Всё это в глазах правительства не стоило и гроша! Деревня и традиционные экономики были обречены на гибель не только в районах нефтяного освоения, но и в таких «свободных», казалось бы, от большой нефти районах, как Самаровский... Моему району, передовому во многих сферах хозяйства, с открытием большой нефти была уготована роль подсобного хозяйства для обеспечения нефтяников лесом и рыбой главным образом.

Погубление деревни обрекло Россию на долгое, мученическое угасание.

В результате массового переселения крестьянства в города и посёлки обострилась не только жилищная проблема (понадобились знаменитые «хрущёвки»), но и продовольственная (производитель-крестьянин стал потребителем-горожанином). Кроме того, со стремительным ростом численности населения округа с середины 1960-х «внезапно вдруг открылось», что, укрупнив и порушив, насоздавав плано-убыточных, уродливых в экономическом отношении совхозов, округ оказался не в состоянии обеспечить даже картофелем нахлынувших со всех концов Союза «освоителей и покорителей». В массовом порядке начался завоз овощей из Тюменской и соседних областей. Одна эта хлопотная и дорогостоящая «завозная кампания» вкупе со стоимостью дополнительно потребных барж, плашкоутов и самоходок в одну-две навигации «съела» всю мифическую экономию от «укрупнений» и «ликвидаций».

В 1960-е в России снизилась рождаемость, аграрная страна впервые закупила хлеб в США... «Половинчатые решения Хрущёва по крестьянскому вопросу сблизили рождаемость со смертностью людей в стране и пшеничные поля США с элеваторами в СССР, – справедливо отмечал Ю. Конев. – А это уже не смешно, ибо указывает на серьёзную опасность подрыва генофонда народа и эгоистическое растраниживание за хлеб невозобновляемого сырья (нефть, металлы), принадлежащего потомкам всех россиян» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

До сих пор разбросанные по России уроженцы исчезнувших с лика земли сибирских деревень «оплакивают» малые родины.

«Родился я в Сумкино, деды и прадеды здешние. Какая была хорошая деревня, какой был колхоз! (Вероятно, имеется в виду колхоз «Беднота», который вскоре по идеологическим соображениям был переименован в колхоз имени Чапаева. – Н.К.). А когда стали укрупняться, люди разбежались, кто куда, – вспоминает орденосец Пётр Давыдович Сумкин.

«При колхозе жизнь была лучше, – утверждает Владимир Георгиевич Паромов, уезжавший из деревни Сумкино на Урал, но в конце концов вернувшийся в Шапшу. – Рыболовецкая артель, большая звероферма, большое дойное стадо. И всё это при минимуме народа. Управляющий Валентин Антонович Васильев один справлялся со всем хозяйством. Да и заработки по тем временам были стабильные» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

Та же печальная участь постигла и Зенковский «куст деревень». Уроженка с. Больше-Тархово Ларьякского (ныне – Нижневартовского) района Ида Александровна Пачганова вспоминает: «В 1956 году папу перевели работать в Зенково, и мы переехали сюда. Тогда этот посёлок был большой, славный такой... Когда в 1966 году деревню затопило, рыбоучасток перевели в Нялино. Постепенно не стало рыбкоопа, лесхоза, и деревня стала распадаться, а люди уезжать» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

Село Зенково, основанное, по известной легенде, в середине XVII века ямщиками Зенковым и Почегановым, на современной карте района пока ещё значится «живой». Но что осталось от «этого большого, славного такого посёлка?» В 1962-м было принято решение о создании Зенковского государственного промыслового хозяйства (госпромхоза) Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совмине РСФСР площадью 862813 гектаров, но это решение так и осталось на бумаге. В 1986-м сельсовет перевели в опекаемую тогда ещё геофизиками Шапшу. Процветавшее в старину «неперспективное» село оказалось отрезанным от цивилизации. Летом туда можно попасть только на шлюпке, зимой – на «вахтовке». Если на 1 июня 1967-го в Зенково насчитывалось 114 дворов (496 жителей), была «жива» рыбартель им. Чапаева, то в 1999-м оставалось 120 человек, из них 34 пенсионера. Работающих было всего 26. Эти «26 зенковских удачников» трудились в администрации территории, начальной школе, медпункте и в двух магазинах. Других организаций нет. К числу работающих прибавим пенсионеров и получим фактическое количество безработных – 60.

– Неправда, – возразят в соответствующей службе районной администрации, – нет у нас такого количества безработных зенковцев. Их у нас зарегистрировано всего... двое. Официально зарегистрировано.

И не захочется доказывать, что безработные просто не обращаются в центр занятости, ибо ничего регистрация им не даст.

Основанная, по заверениям краеведов, на рубеже XVII-XVIII столетий ямщиками Скрипуновым и Змановским деревня Скрипуново (она же – Торопки и Змановская) пока ещё числится в списках населённых пунктов района. Местные жители с гордостью расскажут, что в расположенном неподалёку от деревни

Зимнеборском городище обнаружены следы поселений XI века. А Александр Николаевич Змановский – представитель рода, живущего на этой земле уже четыре века, мог бы указать место, где был, по его незыблемому убеждению, похоронен убитый в схватке с татарами сподвижник Ермака Иван Кольцо, чьи останки, золотой нательный крестик и рукоять меча обнаружили будто бы скрипуновские ребятишки после одного из многочисленных наводнений, смывшего верхний слой почвы. А у некоторых местных жителей, сообщил бы он, до сих пор хранятся чугунные ядра от казацких пушек. Но не укажет и не сообщит уже Александр Николаевич – один из последних скрипуновцев скончался в 2006 году.

На 1 июня 1967-го в 43 деревенских дворах числилось 170 жителей. Люди работали в рыболовецкой бригаде Нялинского рыбоучастка. На 1 января 2003-го оставалось тринадцать «могикан». Доживают в нищете и заброшенности древние старики и старухи, которым некуда податься.

В июне 2004-го в Скрипуново на праздник деревни приехали потомки местных родов. Я бы уточнил: на поминки бывшей деревни. «Покинутые людьми бревенчатые избы, которые осматривали гуляющие по деревне потомки живших здесь когда-то семей, выглядели как экспонаты в краеведческом музее под открытым небом», - такой увидел деревню гость «праздника» журналист Виталий Гудзовский (День деревни. – Наш район. – 2004, 24 июня).

Ныне почти забыто о существовании деревень Старая Майка, Чучели (бывших юртах Чучелинских с её рыболовецкой артелью «Остяко-Вогульская правда»), где в 19 дворах в 1967-м проживали 58 жителей, составлявших успешную рыболовецкую бригаду Нялинского рыбоучастка; медленно, но неотвратимо угасает Пыряховский лесозаготовительный пункт Ханты-Мансийского леспромхоза (на 1 января 2003-го оставалось 250 жителей против 536-ти в 1967-м).

А теперь рассмотрим так называемые «процветающие» сёла и деревни. Из «поступной» в публикации Хрисанфа Лопарева известно, что «1728 года августа въ 5 день Темлячевой волости Шапшиныхъ юртъ новокрещёныя яшашныя остяки Дементей Евдокимовъ сынъ Ортышь, Гаврило Васильевъ сынъ Невуль, Иван Васильевъ Кырь, Пётръ Дмитриевъ сынъ Попусовъ, Філіпъ Михайловъ сынъ Килайко, Ларіонъ Кипріяновъ сынъ Расстегай, Лаврентей Ларіоновъ сынъ Конецъ, поступилися за свой долгъ и расплаты прежнихъ своихъ долговъ... отставному солдату Николаю Фёдорову сыну Зуеву, самаровскимъ ямщикамъ Овдокиму Сергееву сыну Змановскому, Якову Васильеву сыну Лыткину... и волно имъ Николаю Зуеву с товарищи на оной земле дворами селитца, сено, где родится, косить и скоть выпускать, рыбу и птицу промышлять...» (Самарово... – Там же. – С. 179).

Были времена, когда в основанном «Николаем Фёдоровым сыном Зуева», «Овдокимом Сергеевым сыном Змановского» и «Яковом Васильевым сыном Лыткина» русском селе Шапше (в 30 километрах к северу от Ханты-Мансийска) не только «сено косили», «скот выпускали», «рыбу ловили» и «птицу промышляли», но сеяли рожь, овёс и ячмень. Старая деревня, основанная отставным солдатом и самаровскими ямщиками, находилась в трёх километрах от нынешней, а к началу

XX века слилась с ней. В 1905-м появился здесь ссыльный матрос Алексей Зелененко, забывший в вольных местах про революционную смуту и занявшийся рыботорговлей, открывший постоялый двор. До революции 1917-го помимо постоянного двора в селе имелись церковь, посовая и земская станции, ветряная мельница, церковно-приходская школа. В 1912-м в 14 дворах насчитывалось 17 мужчин и 33 женщины, в то время как в юртах Шапшинских оставалось 8 дворов с их 28 остояками и остоячками. Пришедшие к власти большевики церковь закрыли и даже хотели снести, но шапшинцы, по свидетельствам старожилов, не позволили. Так и простоял храм до 1958 года. Потом в нём открыли клуб, который вскоре сгорел. В 1930-1931-е образовался колхоз «13 лет Октября» (первый председатель – У. Ф. Лыткин), в 1958-м переименованный в колхоз имени Чапаева. Затем всё было «как у всех» – рыболовецкая артель, лесозаготовки, работа от зари и до зари за пустые трудодни. С конца 1950-х дела потихоньку пошли на поправку. Имелась известная в округе звероферма, где выращивали не только лис, но и норку. На 1 июня 1967-го в 45 дворах проживало 216 человек, работал производственный участок Зенковской рыболовецкой артели им. Чапаева. Но в 1981-м артель передали геофизикам в качестве подсобного хозяйства. Поначалу у геофизиков что-то получалось, Шапша даже потихоньку застраивалась. Однако грянувшая «перестройка» обернулась катастрофой. Геофизики отказались от убыточной для себя «подсобки». Мы помним, как, начиная с 1991-го, нефтяники и прочие «ведомственные крестьяне» в предвкушении грядущей приватизации, метко названной в народе «великим хапком», ошалевшие от перспектив немислимых прибылей в личный карман, массово освобождались не только от подсобок, но и от соцкультбыта, строительства школ, детских садов, больниц, учреждений культуры... Если ещё в 1990-м в округе насчитывалось 206 худо-бедно работавших подсобных хозяйств, то к 1998-му после перестроечного урагана осталось около 25, да и то часть из них превратилась в разного рода «АО» и «ЗАО». А ведь те худо-бедно работавшие подсобки, в том числе и переданные югу Тюменской области, имели в общей сложности 62794 гектара пашни, производили более 43 процентов молока и мяса в округе...

Отсюда и вывод, которого наши власти до сего дня так и не сделали: сапоги должен тачать сапожник, пироги печь – пирожник, а сельским хозяйством заниматься крестьянин. Земля для него – это не «подсобка» и не досуговое развлечение в перерывах между подсчётами нефтедолларов, а образ и единственное условие полноценной жизни. Но последнее – не из области экономики, а из сферы народной этики, философии, нравственности, которые, к сожалению, в «рыночных» академиях «не проходят». Ибо на Руси испокон считалось: крестьянин, забросивший пашню, – это не крестьянин, а вырожденец. Наша власть в рамках продовольственной программы доверила накормить страну именно «вырожденцам», легко бросившим на произвол судьбы и пашню, и скот, и, что всего чудовищней, самого обобранного до нитки крестьянина...

В начале 1990-х брошенное геофизиками подсобное хозяйство подобрало частное предприятие «Эффект». Что из этого получилось, рассказывала журналистка Антонина Надеина: «В руки частного предприятия перешло более двухсот дойных коров, более шестисот голов крупного рогатого скота, скотные

дворы. За два года всё хозяйство развалилось. Коровы дохли, как мухи, деньги не выдавались, народ роптал, «Эффект» нервничал. Всё в конце концов кончилось прахом...» (Легенды и были маленькой деревни. – Югра. – 1999, № 1).

Ныне в Шапше живёт около 400 человек. Бывшее село задумано эколого-просветительским центром и центром туризма. Построен гостевой домик. Созданы школьное лесничество «Муравей», эколого-просветительский центр «Шапшинское урочище», включающий в себя туристический, вольерный комплексы (в котором живут любимец ханты-мансийской детворы медведь «Степан Чугасов», лисята Чубчик и Алиса, енот Масяня, лосёнок Манюня и лошадь с жеребёнком), «экологические тропы» имени эколога Черкасовой и «Таёжная экспедиция». Окружающий Шапшу кедровый массив площадью 110 гектаров объявлен памятником природы. В планах – туристическая ямщицкая станция, заведены ездовые лошади и кошёвки. Построены корпуса Ханты-Мансийского филиала сельскохозяйственной академии. Планируется открытие Дома-интерната на 50 мест для престарелых и инвалидов. А ещё – физкультурно-спортивный комплекс с универсальным игровым залом. Наверное, для «оздоровления» инвалидов и престарелых. Для осуществления всех этих и других планов появились в Шапше предприниматели. Но не появился фермер, который «Россию накормит». Не появится и не накормит. Из 200 с лишним человек, зарегистрировавшихся в районе фермерами с началом «фермерского движения», остались считанные единицы, да и те едва-едва сводят концы с концами, остальных «съел чиновник». По словам же чиновников, районная программа возрождения сельского хозяйства предусматривает создание в Шапше агрофирмы. Пока же значится на современной карте района «сельское поселение Шапша», но села нет и уже не предвидится.

И, наконец, на 1 июня 1967-го в центре Нялинского сельсовета – в посёлке Нялино насчитывалось 147 дворов (633 жителя). Посёлок спасся рыбоучастком Ханты-Мансийского рыбокомбината - основным местом работы людей. С переходом к так называемым рыночным отношениям участок сократился до небольшой промысловой бригады, а в последние годы стал частным предприятием. С ликвидацией рыбоучастка рыбаков бросили на произвол судьбы. По утверждению старожилов, 1960-е были «золотым» десятилетием в истории посёлка. Помимо рыболовецких бригад в юртах Нялинских, в деревнях Скрипуново, Чучели, а также в посёлке Приобском Назымского сельсовета (на 1 июня 1967-го насчитывалось 68 жителей в 16 дворах), гословецкая бригада Нялинского рыбоучастка располагалась в деревне Долгое Плёсо (на 1 июня 1967-го было 127 жителей в 38 дворах) Селияровского сельсовета...

Рыбоучастки же ликвидировались в связи с полным крахом Ханты-Мансийского рыбокомбината в эпоху «большого хапка», названного юмористами от новейшей экономики «приватизационным процессом». Сегодня, глядя на груды развалин бывшего предприятия, трудно поверить, что в «застойные» 1970-е ордена «Знак Почёта» рыбокомбинат выпускал 26 наименований одних только рыбных консервов, а всего с ноября 1930-го им выработано 122 наименования консервов и продукции, что в лучшие свои годы консервный цех выпускал до 13 миллионов банок в год, и что продукция пользовалась спросом не только в СССР, но и в Болгарии, Монголии, Польше, Франции, Чехословакии...

Нынешний генеральный директор Сергей Николаевич Андрейченко принял комбинат в 2002 году в любопытный момент: «... флота – ноль, добыча рыбы – ноль, переработка сырья, соответственно, тоже – ноль. Практически на нуле была и материальная база. Всё, что можно было продать – продано, что можно сдать на металлолом – сдано. Чудом уцелел один цех, в котором новый рыбокомбинат начал свой старт в начале XXI века... Финансовое состояние от нулевой отметки было довольно далеко – минус 20 миллионов рубликов» (В. Копнов. Рыбокомбинат: версия XXI, или Новый заплыв по Обь-Иртышскому бассейну. – Новости Югры. – 2006, 3 октября).

Ныне в Нялино едва пульсирует лесхоз из пяти человек, работают средняя и специальная (коррекционная) школа-интернат для детей-сирот, библиотека, амбулатория в юртах Нялинских. Разговаривая с жителями посёлка и юрт (здесь по-прежнему строго разграничивают эти два населённых пункта), я усвоил главное: посёлок – без определённых перспектив. Те из жителей, кто ещё в силах рыбачить, главным образом, браконьерничают почти не таясь, и выживают продажей муксуна, стерляди, а то и осетра из-под полы. С обретением Ханты-Мансийским рыбокомбинатом («новейшее» название ООО «Рыбокомбинат Ханты-Мансийский») второго дыхания в 2005-м добыто 1300 тонн рыбы, к 2007-му в штате состояло около 100 человек и ещё с тремя сотнями сдатчиков заключены договоры, бригада нялинских рыбаков во главе с Михаилом Коневым рыбачила на катере и неводами рыбокомбината в 2005-2006-х. Заработок за путину был достаточно высок. С реанимацией рыбокомбината появился в Нялино и приёмный пункт, но пока он простаивает: «Причина проста – киловатт-час электроэнергии стоит около 10 рублей. Такой финансовой нагрузки ни одна экономика не выдержит» (В. Копнов. Рыбокомбинат: версия XXI... – Там же).

По той же причине «доживают» юрты Нялинские: если на 1 июня 1967 года в 44 дворах насчитывалось 238 жителей, то на 1 января 2003-го осталось 69 душ. Ещё три семьи живут в тайге.

– Доживаем, – коротко ответил на мой вопрос Александр Иванович Юров (ныне уже, к сожалению, доживший). – Молодёжи здесь делать нечего.

Правда, чиновники могут возразить:

– Шапша и Нялино не доживают, а живут. Здесь даже численность возросла. И строительство ведётся.

На первый взгляд, они правы. На 1 января 2003-го население действительно приросло и составило 761 человек. Василий Конев уточняет: к 2006 году насчитывалось не меньше 900. И строительство ведётся. В 2008-м планируется возведение врачебной амбулатории. Администрация выделяет иным жителям небольшие ссуды, помогает транспортом. На краю посёлка выросла улица кирпичных особняков-коттеджей, но опять-таки... ханты-мансийских чиновников и воротил, решивших превратить бывший посёлок спецпереселенцев в такую же, как Шапша, загородную резиденцию. Все условия для роскошного отдыха есть: целебный кедровый бор, рядом – Обь и протока Нялинская, царского муксуна и осетринки первой свежести поднесут утомлённым от трудов праведных «слугам народа» обездоленные нялинские рыбаки...

Я могу согласиться с целесообразностью закрытия иных леспромхозовских лесопунктов и рыбоучастков. Во-первых, в 1930-х в спешке и неразберихе возводились порой совершенно не пригодные для нормальной жизни селения – на малых, к зениту лета пересыхавших речках и протоках, в немыслимом отдалении от мест работ и старожильческих селений, где даже вертолёту негде было приземлиться. Во-вторых, «пункт» есть пункт, «участок» есть участок – это по определению нечто временное, созданное для решения конкретной задачи. Временные «точки» расположения собравшихся отовсюду людей. Хотя и на таких самаровских «точках» люди жили десятилетиями, осваивали землю, обзаводились семьями, рожали детей. И когда наступал час ликвидации – в основном «в связи с истощением сырьевой базы», люди вдруг осознавали, что эти временные «точки» стали для них родными гнёздами, а для их детей – малой родиной, и уезжали на «большую землю» со слезами на глазах...

Сложнее понять, чем руководствовались «реформаторы» 1950-1960-х, обрекая на уничтожение старожильческие русские селения с двух-трёх-четырёх вековой историей, с их традициями, обычаями и нравами?

В разгар «ликвидационной кампании» на 1 июня 1967 года в 12 сельских советах района ещё числилось «в живых» 52 селения. А с конца 1960-х – начала 1970-х умерщвлено и заброшено ещё 19 населённых пунктов: деревни Денщики, Слушка, Сотник, Заводные, Мануйлово, Добрино, Прииртышский, Чучели, Тренька, Богдашка, Востыхой, Фролы, Чага, посёлки Сугунчум, Горный, Затон, Сеуль, Тавотьях, Лесной (20-й квартал)...

До нового тысячелетия дотянуло 33. В их числе немало таких, как Зенково, Скрипуново, Шапша. В составе Троицкой территории числится деревня Матка, но постоянного населения там давно уже нет. Деревня Долгое Плёсо Селияровской территории числится, вероятно, только потому, что в ней к 2003-му ещё проживало четыре человека. 33 жителя осталось в Семейке и 54 в деревне Чембакчина Цингалинской территории. 70 человек бедуют в деревне Сухоруково Урманной да 76 в Лугофилинской Горноправдинской территорий...

В начале прошлого столетия Дунин-Горкавич открывал на среднем и верхнем Назыме неучтённые поселения, а нынешние власти учитывают по существу вымершие...

В 1950-е – 1970-е в одной только Тюменской области ликвидировано свыше тысячи так называемых неперспективных деревень...

На порядок больше уничтожено их на родине моих родителей в нынешнем Муромцевском районе Омской области. Суворовка, Кирсановка, Копьёво, Радищево, Чёрный Куст, Моисеевка, Шадринка, Малиновка, Старая Малиновка... Это только один «копьевский куст»!

По некоторым сведениям, за одиннадцать перестроечных лет в России уничтожено свыше 20000 (двадцати тысяч!) деревень.

А сколько всего?

... «Визит» Юрия Конева в родную деревню состоялся в 1969 году. «Состояние и внешний вид деревни превзошли все мрачные предсказания родственников. В ней не осталось ни одного жителя. Многие дома были раскатаны и подготовлены к вывозу для строительства или на дрова. Даже высокий сруб

церкви был разобран. Дощатая обшивка её была уже увезена (доски, так называемый тёс, всегда были в дефиците на Севере). Часть резных наличников окон у ряда домов была снята.

Я зашёл в отчий дом (последнее десятилетие в нём жили чужие люди). Впечатление от увиденного было удручающим. Как и у остальных домов, двери и ставни были открыты настежь и, разумеется, не заколочены – никто не собирался сюда возвращаться. В прихожей на стенах висела старая одежда, на полу валялись мелкие предметы быта: бутылки, обувь, учебники, игрушки и т.п. В большой комнате (зале) вдоль стен стояла самодельная мебель, в красном углу висело пять икон. Отношение к вере уехавших стало понятным... Второй дом, который я обследовал, - материнский – опустел, по-видимому, ещё раньше (в нём прежде был сельсовет). Глядя на всё это, можно было подумать, что люди уезжали в спешке, как от стихийного бедствия, как от осточертевшей кабалы. Исчезло родовое гнездо – малая родина многих обских Коневых, верно служивших Отечеству...» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

Об этом же вспоминает и Василий Конев, побывавший в Конёво в 1970-м:

«...Долго стоял у места нашей избы. Сохранился дом, в котором размещались раньше сельский совет и почта. Стояли безмолвно еще несколько разваливающихся домов, словно бросая укор людям за содеянное...» (Сладкого только горстка, горького – полная чаша. – Там же).

Писатель Новомир Патрикеев рассказывал, что бывал в Конёво то ли в 1970, то ли в 1971-м. Все дома были ещё целы, в них оставалась старая мебель, хозяйственная утварь, одежда, обувь, а на заросших пыреем огородах цвела... картошка, посаженная выбывшими крестьянами. Кто-то, по-видимому, уехал так поспешно и неожиданно, что не смог собрать даже выращенный урожай...

Я несколько раз бывал в заброшенном Конёво в конце 1970-х - начале 1980-х. В ту пору там стояло не до основания разрушенными всего-то три-четыре дома, но по заросшим крапивой и кустарником холмикам-остовам исчезнувших строений можно было при желании восстановить «план» бывшей деревни. Да и в «сохранившихся» домах уцелели только стены. Не было ни полов, ни перекрытий, ни оконных рам, ни дверей, - всё было разобрано и сожжено останавливавшимися на ночлег охотниками и рыбаками. Сожжено в кострах на месте, сплавлено или перевезено для сожжения в Ханты-Мансийске и окрестных деревнях...

За много лет до меня это повсеместное на Руси печальное явление увидел и убедительно объяснил Василий Белов: «Разве мало кругом в лесу сухостою и сорного лесу, чтобы не ломать и не топить в печках жилые дома? Эта странная мода (употреблять на топливо хозяйственные и жилые строения) пошла, насколько я помню, ещё с середины тридцатых годов. Многие обобществлённые амбары, а лесные и полевые сараи для сена оказались тогда лишними, ненужными. Без присмотра их крыши быстро дряхлели, а если крыша течёт, то постройка при нашем климате сразу начинает портиться. Зачем же пропадать такому добру? Сараи для сена начали ломать, пилить и топить на овинах, во время сушки снопов. Дурная традиция укоренилась легко: вскоре в ход пошли и сами гумна с овинами, которые так старательно возводились стариками... Затем дело дошло до самих домов. Брошенные на произвол судьбы или проданные за бесценок, они безжалостно

разламывались и употреблялись на топливо» (Раздумья на родине: Очерки и статьи. – Москва, 1989. – С. 61).

С той лишь разницей, что в моём районе «эта странная мода» пошла не с ломки сараев для сена и гумнов с овинами, а с брошенных спецпереселенцами барачков в пору укрупнения колхозов и ликвидации лесо- и рыбоучастков. Временные казённые жилища, более напоминавшие невольничьи казармы, пила и топор не щадили...

Разрушительная волна 1960-х по сути дела смахнула с берегов Оби и Иртыша плоды славных деяний потомков Ермака, российских самоходов и пореформенных переселенцев, жертв коллективизации и депортированных народов, кровью и потом освоивших эту землю, сделавших её пригодной для проживания.

Но в конце 1970-х – начале 1980-х мне и в страшном сне не могло присниться, что следующая разрушительная волна, едва ли не самая губительная – «перестроечная» - снесёт с берегов Оби и Иртыша последние останки крестьянской цивилизации.

«Мне очень хочется, чтобы эта память не исчезла бесследно, а места, где жили замечательные люди, напоминали о себе хотя бы памятным знаком: «Здесь стояла деревня», - пишет в окружную газету Дарья Морозова – бывшая жительница исчезнувшей деревни Карагаево соседнего с моим Кондинского района, где в 1940-м только по Ягодинскому сельсовету насчитывалось около 20 деревень и спецпосёлков. – Памятные знаки должны стоять везде, где жили и умирали люди. Поставить кресты памяти можно всем миром, как когда-то ставили храмы» (Здесь когда-то стояла деревня. - Новости Югры. – 2007, 11-17 октября).

«И это под силу сельским администрациям, где находились исчезнувшие деревни, – соглашается с Дарьей Морозовой уроженка исчезнувшей деревни Черемховской Валентина Мясникова. – Мы, родившиеся в Черемхах, должны посетить нашу родину и низко поклониться той земле, которая дала нам жизнь» (И деревни не стало... – Новости Югры. - 2007, 30 октября).

Можно ли с этим не согласиться?